

Проблема сознания в контексте изучения как объекта философского анализа Доромбекова А. О.

*Доромбекова Айну́р Оско́нбековна / Dorombekova Ainur Oskonbekovna - кандидат философских наук, и. о. доцента,
кафедра международных отношений и права,*

*Дипломатическая академия министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева,
г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: *в статье рассматривается проблема сознания как одного из наиболее сложных объектов философского анализа. Невозможность однозначной верификации психических процессов и состояний фактически делает категорию сознания одной из самых трудноопределимых в современной философии и науке.*

Ключевые слова: *нейробиология, психофизиология, когнитивность, лимбическая интенциональность, гипертрофирование, эмерджентность, проточувствительность, протоформа, речепродукция.*

Как видно из истории развития философии, проблема феномена сознания всегда была и остается объектом философско-социального анализа, и при его решении затрагиваются основные вопросы философии как «первичность идеального и материального», «феноменология человека», «природа общества», «генезис культуры» и другие проблемы. Ее интерпретация напрямую связана с решением фундаментальных онтологических, гносеологических, антропологических и социально-философских вопросов, затрагивающих оппозиции бытия и небытия, субъективного и объективного, индивидуального и коллективного. Вместе с тем, сознание выступает как один из наиболее сложных объектов философского анализа. Будучи несомненной очевидностью человеческого существования, оно одновременно является неуловимым для внешнего наблюдения, где принципиальная ненаблюдаемость сознания задает естественные трудности для его теоретической реконструкции. Невозможность однозначной верификации психических процессов и состояний фактически делает категорию сознания одной из самых трудноопределимых в современной философии и науке.

Еще в VI в. древнегреческий анатом и врач Алкмеон из Кротона впервые высказал предположение, что мозг является центральным органом психики, сознания и мышления человека.

Известный специалист в области эпистемологии и философии науки И. П. Меркулов, многие годы своей жизни посвятивший всестороннему исследованию проблемы сознания, на основе анализа многочисленных экспериментальных данных, изучения различных исторических и современных подходов, рассмотрения культурно-антропологических свидетельств дает следующее рабочее определение понятия «сознание»: «Это информационное свойство (способность) когнитивной системы живых существ, проявляющееся прежде всего в самосознании (т. е. в осознании собственного «Я» и отличия от «других», в наличии «Я-образов» и т. д.). Благодаря наличию этой способности, человеческая когнитивная система может генерировать различные состояния индивидуального сознания (в том числе и измененные). Сознание участвует в процессах переработки (и хранения) информации (включая культурной) о событиях внешней среды, внутренних состояниях организма, эмоциях и т. п., обеспечивая управление (от лица «Я-образов» и символично (вербально) репрезентируемых «Я-понятий») работой когнитивной системы, психикой, а также многими, в том числе и высшими, когнитивными функциями и действиями главным образом на уровне планов, целей и намерений» [1, с. 78]. Многим направлениям классической философии, которые исходили из божественной природы человеческого сознания или считали неправомерным редуцировать эту когнитивную способность человека к каким-то физическим, химическим или физиологическим процессам, так и не удалось преодолеть дуализм души и тела, относительную противоположность духовной реальности и ее материального субстрата.

Новые перспективы в изучении феномена сознания появились благодаря открытиям, которые были получены во второй половине XX в. в молекулярной биологии, нейробиологии, психофизиологии, когнитивной психологии и других областях когнитивной науки.

Идею существования двух видов сознания, одно из которых выступает базой, основой для развития другого, мы находим в работах лауреата Нобелевской премии, основателя и директора Института нейронаук в Сан-Диего Джералда Эдельмана. Он говорил о существовании некой базовой формы сознания, которое называет первичным и связывает с функционированием механизмов, обеспечивающих первичную осведомленность о состоянии среды, о значении этой информации для данного живого существа и о возможностях использовать эту информацию в своих интересах.

Вот как об этом говорит Дж. Эдельман: «Я провожу различие, которое считаю фундаментальным, между первичным и более высокоуровневым сознанием. Первичное сознание – это состояние наличия ментальной осведомленности о вещах в мире, наличия ментальных образов в настоящем. Но для человека оно не сопровождается каким-либо соотношением с личностными смыслами, связанными с прошлым или будущим. Это то, чем, как можно предположить, обладают некоторые животные, не

использующие специальных лингвистических средств и особых средств для передачи смыслов... В противоположность этому, высокоуровневое сознание (higher-orderconsciousness) включает в себя распознавание мыслящим субъектом собственных действий или предпочтений. Оно воплощает модель личностного, а также прошлого и будущего в той же мере, как и настоящего. Оно выражается в прямом осознании – не выводном или непосредственном осознании ментальных эпизодов без вовлечения органов чувств или рецепторов. Это то, что мы, люди, имеем в дополнение к первичному сознанию. Мы сознаём, что являемся сознающими» [2, с. 64].

В 60-е гг. прошлого века появилась, так называемая, научная программа «На пути к теоретической биологии». Один из ярких представителей этого направления исследований Говард Патти ввел понятие «семантического замыкания» – дополнительности процессов измерения и описания, протекающих как в отдельно взятой клетке, так и в рамках социума (обобщенного наблюдателя). По Патти, элементарным примером «семантического замыкания» является процесс фермент-субстратного взаимодействия: «В клетке линейная дискретная независимая от скорости цепочка аминокислот самопроизвольно свертывается, образуя трехмерный каталитический механизм, единственная функция которого заключается в контроле скоростей специфических реакций» [3, с. 259]. В своей «программной» статье Патти связывает психофизический парадокс с проблемой измерения в физике.

Один из весьма распространенных аргументов представителей феноменологии и ряда других направлений первой половины XX в. против материалистических концепций сознания состоял в том, что, в отличие от явлений психических, физические явления не обладают свойством интенциональности, направленности на какой-либо объект. Впервые эта гипотеза была выдвинута учителем З. Фрейда австрийским психологом Францем Brentano, который полагал, что интенциональная присущность, отнесенность к чему-либо как к объекту является видовым признаком сугубо психических явлений.

Характерно, что интенциональность как системное свойство может успешно само порождаться в искусственных нейронных сетях, моделирующих адаптивное поведение искусственных живых существ («аниматов»), – при наличии у них мотивации в сетях происходит генерация программ, управляющих целенаправленным адаптивным поведением, которое намного эффективнее поведения нецеленаправленного и значительно увеличивает шансы на выживание этих существ в ходе дальнейшей когнитивной эволюции» [4, с. 188].

Какие же открытия в современной науке имеют особое значение для понимания природы сознания, связей между сознанием и мозгом, между феноменом сознания и происходящими в когнитивной системе процессами переработки когнитивной информации?

- Открытие межполушарной церебральной асимметрии и связанных с функциональной активностью левого и правого полушарий мозга когнитивных типов мышления – знаково-символического (логико-вербального) и пространственно-образного. Хотя сам факт межполушарной церебральной асимметрии был известен уже довольно давно, наиболее важные результаты в этой области были получены только в 60-х годах XX столетия известным американским нейрофизиологом Роджером Сперри (лауреат Нобелевской премии 1981 г.) и его коллегами из Калифорнийского технологического института. Первоначально они преследовали сугубо практические, непосредственно несвязанные с изучением межполушарной церебральной асимметрии цели – вылечить больных-эпилептиков, страдавших большим судорожным припадком.

- Открытие в 1924 г. Гансом Бергером мозговых волн, которые являются не только несомненным и отчетливым признаком психической активности нашего мозга, но и отражают индивидуальные нейрофизиологические и психологические различия. Это открытие позволило разработать соответствующие технические устройства и использовать метод электроэнцефалограммы, т. е. запись мозговых волн в медицине как диагностическое средство определения симптомов эпилепсии и иных психических заболеваний, а также местонахождения опухолей и других аномалий. В зависимости от частоты различают альфа-, бета-, дельта- и тета-волны. Мозговые волны (ЭЭГ), особенно альфа-волны, формируются благодаря взаимодействию нейрофизиологических процессов на нескольких (по крайней мере, трех-четырёх) уровнях. По мере взросления ЭЭГ меняется. Если отсутствуют болезни мозга (например, эпилепсия, опухоль) или тяжелая усталость, то характер мозговых волн в стандартных условиях (в состоянии расслабленности с закрытыми глазами) практически полностью определяется генетически» [5, с. 111].

Мы увидели, что идея сознания как динамического свойства определенных высокоуровневых паттернов нервной организации, была высказана Роджером Сперри, он одним из первых сформулировал свое положение о том, что «сознание рождается как эмерджентное системное свойство высокоуровневых организационных процессов, протекающих в мозге» [6, с. 37]. В целом, это интересный и плодотворный подход, однако он оставляет без ответа один принципиальный вопрос: с каким именно этапом эволюции системы связано возникновение сознания в качестве ее нового эмерджентного свойства (причем не исторически, а логически)? Должны ли мы принять, что зачатки сознания (хотя бы в минимальной и самой непроявленной форме) присутствуют уже на уровне той реальности, которая предшествует

рождению сознания, и на базе которой оно затем и формируется? Иными словами, происходит ли рождение сознания на базе структурных элементов предшествующего уровня сложности системы, уже обладающих зачатками чувствительности, которые затем и дадут толчок возникновению нового эмерджентного свойства? Если мы определяем сознание как эмерджентное свойство, в какой-то момент возникающее из имеющегося уровня организации системы, то встает методологический вопрос: существуют ли на этом предыдущем уровне жизни системы зачатки, зерна будущего нового свойства? И если да, то когда и на какой основе возникают и формируются сами эти зачатки? Следует ли признать их изначально и по природе присущими всему живому? Если мы отвечаем на этот вопрос положительно (то есть некая простейшая форма проточувствительности, лежащая в основе последующего формирования сознания, изначально присуща тем структурам, на базе которых позднее развивается сознание), тогда, в некотором смысле, получается, что сознание (пусть и в зачаточной, протоформе) изначально присуще тем структурам, на базе которых, как постулируется, оно лишь потом родится. Если нет, то как, где, когда, на какой основе возникают и рождаются те зачатки проточувствительности, из которых когда-то в будущем, на продвинутом уровне эволюции системы разовьется сознание как новое эмерджентное свойство? Данная дилемма фактически воспроизводит тот же вопрос о логике возникновения сознания, но только адресуя его к более ранним стадиям формирования и развития системы и, соответственно, формулируя его по отношению к более ранним, лежащим в основе формирования сознания, ее качествам. Подобный логико-методологический вопрос в рамках анализируемой модели не находит ответа.

Основываясь и опираясь на результаты исследований, мы полагаем, что феномен сознания можно исследовать методами современной науки. Возможные методологические «прорывы» могут быть связаны:

- с созданием роботов, оснащенных системами искусственного интеллекта;
- с изучением феномена виртуальной реальности;
- с развитием сети Интернет и построения систем коллективного разума;
- с созданием в среде программного обеспечения функциональных аналогов биологических клеток;
- с развитием физики информационных процессов;
- с созданием систем «человек-компьютер»;
- с созданием синергетических моделей человеческого познания (Хакен, Португали).

Весьма эффективным для исследования виртуальных миров и механизмов функционирования сознания представляется понятие границы биологической системы, включающей как онтологические, так и дескриптивные компоненты. Различные системы, даже функционирующие на одной и той же материальной элементной базе, могут иметь разные границы «объективного» «внутреннего мира». То, что для одной системы представляется легко трансформируемым, для другой может выглядеть объективными ограничениями, наложенными извне. Еще более сложная ситуация в плане анализа категории объективности с точки зрения конкретной системы (в «системе отсчета») «субъективной реальности» данной системы) возникает, если рассматриваемые системы функционируют на различных материальных «элементных базах», отличающихся по информационной емкости и быстродействию.

Мы должны помнить, что сознание не может быть понято предпосылочно: его пониманию не может быть предпослано нечто уже сформулированное, тогда оказалось бы, что сознание предшествует самому себе, потому что любая формулировка предполагает осознанность и осмысленность. Понимание сознания должно вырастать как будто из ничего – но при этом быть всем, потому что наше сознание – это то самое. Все, чем мы владеем, и что нам дано.

Литература

1. *Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П.* Феномен сознания. М., 2009. С. 78.
2. *Эдельман Дж.* Сознание: помнимое настоящее // Психология и психотехника. 2009. № 7. С. 64.
3. *Pattee H. H.* Dynamic and Linguistic Modes of Complex Systems // Int.J.General Systems. 1977. Vol. 1. P. 259–266.
4. *Редько В. Г.* Эволюция, нейронные сети, интеллект. М., 2005. С. 188.
5. *Фогель Ф., Мотульски А.* Генетика человека. Т. 3, М., 1990, с. 111–114.
6. *Sperry R. W.* Structure and significance of the consciousness revolution // J. of Mind and Behavior. 1987. № 8. P. 37–66.